
АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА В ЕЕ СОСУЩЕСТВОВАНИИ С ВНЕШНИМ МИРОМ /1920 – 1950-е гг./*

Эд. Л. МЕЛКОНЯН

В более чем семидесятилетней истории противоборства двух взаимоисключающих социально-политических систем – советского социализма и капитализма - весьма интересны и познавательны сюжеты, относящиеся к этническим меньшинствам. Однако поскольку в этом противоборстве этнические меньшинства являлись “игроками” второго, а то и третьего плана, они и по сей день в этой своей роли все еще малознакомы. Это обстоятельство делает необходимым их изучение в более широких временных параметрах, чем обязывает термин “холодная война”. С другой стороны, само изучение этнических меньшинств в контексте противоборства двух систем лишний раз подтверждает всю условность отнесения начала холодной войны к периоду после Второй мировой войны. Очевидно, что оно, это начало, восходит к октябрю 1917 года, к большевистской революции в России. Другой вопрос, что в самой истории этой войны следует различать отдельные ее этапы, один из которых по контрасту с завершившейся в 1945 г. “горячей” войной и был назван “холодной”.

В предвоенный период стратегия и тактика внешнеполитической деятельности Советского Союза базировалась, как известно, на двух основных принципах – классовой борьбы и мировой революции. Речь, в конечном счете, шла об уничтожении капитализма, поскольку именно от этого зависела сама возможность продолжения грандиозного социального эксперимента, поставленного большевиками. Задача, уже тогда представлявшаяся трудноосуществимой в силу разных причин, начиная от уровня развития Советского Союза и кончая отсутствием каких-либо союзников или партнеров на уровне государств. В контексте рассматриваемого вопроса это последнее обстоятельство – внешняя изоляция - имело особое значение, поскольку оно не только явилось одной из специфических характеристик первого периода противоборства, но и предопределило интерес советских властей к соотечественникам за рубежом, в том числе и к армянам диаспоры.¹

Для советских властей армянская диаспора была привлекательна по ряду причин: а/ армянские общины существовали как в странах капитализма – США, Франции и др., так и странах Востока, стремящихся

---

* Статья основана на докладе, прочитанном на международной конференции “Грузия, Армения, Азербайджан в годы холодной войны. Новые архивные документы” (Цинандали, Грузия, июль 2002г.).

О термине “диаспора” см. – Э. Мелконян, *Диаспора в системе этнических меньшинств /на примере армянского рассеяния/* (Диаспоры, М., 2000, № 1-2), а также другие статьи на эту тему в том же журнале за 1999-2001 гг.

к обретению полной независимости от ведущих стран Европы, б/ в эти годы основная масса армян диаспоры занимала низшие ступени социальной иерархии – безработные, рабочие, мелкие ремесленники и торговцы и др. Большинство из них, будучи к тому же беженцами, не имели гражданства, заменой чему служили так называемые “Нансеновские паспорта”. Все это давало основание рассматривать их в качестве потенциальных союзников – проводников идей и политики классовой борьбы в странах их проживания, тем самым - и в грядущей мировой революции. Наконец, фактор политического сознания зарубежных армян. Как известно, само образование армянской диаспоры явилось следствием политики геноцида и депортации армянской населения Западной Армении и Армянской Киликии, осуществленной турецкими властями Османской империи в 1915 и последующих годах. Россия же в массовом сознании армян традиционно являлась антиподом Турции, именно с Россией связывались, в основном, надежды на освобождение от турецкого владычества. Кстати, в этом и состояло принципиальное различие армянской диаспоры от русской так называемой “белой эмиграции”, само образование которой было обусловлено исключительно политическими причинами – октябрьской революцией 1917 г. в России, что и предопределило столь характерный для нее явный и бескомпромиссный антисоветизм.

В отличие от этого абсолютному большинству армян, в том числе и армянам диаспоры, коммунистические идеи и формы их реализации были не столько чужды, сколько попросту неизвестны. Непосредственный контакт, знакомство состоялись лишь после советизации Армении в ноябре 1920 года.

Большевики, придя к власти в Армении, казалось, задались целью сделать все, чтобы отвлечь армян диаспоры от новой России – Советского Союза. Не вдаваясь в подробности их политики в отношении диаспоры, отмечу лишь ее основные моменты – полное игнорирование прав депортированных армян на возвращение к родным очагам и вместо этого призывы солидаризироваться с турецкими трудящимися в борьбе против буржуазных эксплуататоров, категорическое неприятие армянских политических партий /в прошлом организаторов национально-освободительной борьбы, а к тому времени - консолидирующих институтов диаспоры), разжигание социально-классовой борьбы внутри диаспоры, требование безоговорочного признания и одобрения деятельности советских властей и т. п.

Логично было бы ожидать, что на подобный вызов должна была последовать адекватная, столь же однозначно негативная реакция диаспоры. В целом, так оно и произошло, но с некоторыми и довольно принципиальными различиями. Для понимания сути происшедшего следует учитывать события, происходившие в самой Советской Армении – политика “красного террора”, развязанная большевиками сразу после прихода к власти и, в ответ на это, антибольшевистское восстание в феврале 1921 г., подавленное силами Красной Армии. Подавление этого восстания имело весьма важные последствия для

этнополитического развития диаспоры. Вынужденная эмигрировать из Армении, партия Дашнакцутюн /партия власти в Первой Республике Армении, начиная с 1918 г./ – главный политический оппонент коммунистов, и стала той силой, которая не только сохранила присущую ей антикоммунистическую, антисоветскую направленность, но и сумела в короткий срок придать ей организованный и массовый характер уже и в диаспоре.

Можно утверждать, что именно с этого времени в армянской диаспоре началось политическое размежевание, в основе которого было отношение к Советской Армении, и которое предопределило пути развития диаспоры не только в этнополитической, но и практически во всех других сферах.

Как это на первый взгляд ни парадоксально, но основным оппонентом партии Дашнакцутюн в диаспоре стала вторая по значимости либерально-демократическая партия Рамкавар Азатакан. Парадоксально, поскольку идеология и практика коммунизма были чужды ей в значительно большей степени, чем придерживающейся социалистической ориентации Дашнакцутюн. Однако же именно эта партия, вкупе с социал-демократической партией Гнчак, стала альтернативой политическому курсу антисоветизма в диаспоре. Суть этой альтернативы вкратце заключалась в следующем. Не признавая, более того, принципиально отвергая идеологию и практику коммунизма, рамкавары в то же время учитывали ту реальность, что Советская Армения была единственно оставшейся частью их родины, на которой продолжалась жизнедеятельность армянского народа, в виде хотя и сильно усеченного - в составе СССР, но тем не менее некоего государственного образования. И, что было особенно важно в свете недавнего прошлого, отсутствие полного суверенитета компенсировалось внешней безопасностью, возможностью мирного развития народа.

Таким образом, суть дилеммы, вставшей перед диаспорой, сводилась к необходимости выбора приоритетного, главного критерия в ее отношении к Советской Армении - считать ли таковым идеологию власти в Армении или само существование Армении. Диаспора, однако, предпочла пренебречь этой дилеммой и не сделала однозначного выбора. Часть диаспоры – “жесткая оппозиция” во главе с Дашнакцутюн - приоритетным сочла идеологический критерий и в соответствии с этим на протяжении всей истории противоборства двух мировых систем ориентировалась на страны Запада. Другая часть диаспоры, во главе с Рамкавар, считая советскую власть наименьшим злом с точки зрения национальных интересов армянского народа, ограничилась ролью “мягкой оппозиции” и стремилась к установлению связей с Советской Арменией. Тем самым, в диаспоре установилось своеобразное динамическое равновесие, которое, несмотря на все его негативные последствия, в целом явилось продуктивным. Оно придало ее политической конструкции пластичность, столь необходимую для адаптации в различных - в пространстве и во времени - средах своего существования.

“Мягкая оппозиция”, казалось, вправе была рассчитывать на

адекватную реакцию советских властей. Однако вплоть до начала Второй мировой войны советские власти не делали никаких различий между двумя политическими полюсами диаспоры, в одинаковой мере и форме обвиняя их в контрреволюционной, антисоветской деятельности и т.п.

История, однако, во многом интересна своими зигзагами, подтверждением чему может служить следующее событие тех лет. Еще в конце 1923 г. власти Армении дали разрешение на деятельность в стране крупнейшей благотворительной организации диаспоры - Армянскому Всеобщему Благотворительному Союзу /Armenian General Benevolent Union/, и сегодня являющейся одним из влиятельных институтов диаспоры. Факт примечательный хотя бы тем, что эта организация возглавлялась крупным финансистом Погосом Нубаром, известным к тому же своими связями с политическими лидерами ряда европейских стран тем, что она традиционно примыкала к партии Рамкавар, члены которой даже входили в руководящий состав АББС, и, наконец, тем, что при всем желании ее трудно было заподозрить в просоветских настроениях. Тем не менее разрешение было дано. Тому, конечно, были причины, как принято говорить, объективного и субъективного характера, из коих отмечу – острую необходимость помощи для выхода страны из глубокого кризиса, стремление заручиться поддержкой хотя бы части диаспоры, все еще существующая в те годы возможность отношений с внешним миром, и, не в последнюю очередь, личные качества тогдашних руководителей Армении, искусно сочетающих коммунистические идеи с национальными интересами своего народа.

Несмотря на всякого рода препятствия, АББС начал строить в Армении поселки, больницы, дома и др., и в это же самое время в адрес его лидеров, в том числе и второго президента - одного из богатейших людей своего времени Галуста Гюлбенкяна, известного как “господин 5%” - из Еревана периодически раздавались обвинения в антисоветской деятельности, выражались сомнения в политической целесообразности сотрудничества с этой, по советской терминологии, буржуазной организацией. Примечательно, что И. Сталин в разговоре с председателем правительства Армении С. Тер-Габриеляном относительно этого вопроса в присущей ему манере высказался так: “Если армянские капиталисты допускают глупость, помогая армянским коммунистам строить социализм, то коммунисты Армении допустят еще большую глупость, если откажутся от этой помощи”.²

Однако спустя несколько лет именно это сотрудничество с АББС стало одним из обвинений в адрес руководства Армении.

Это высказывание Сталина стало известно мне при изучении в архиве Министерства национальной безопасности /в советский период - КГБ/ Армении следственных дел жертв репрессий 1937-1938 гг., в том числе и представителя АББС в Ереване, когда я пытался выявить

² Архив Министерства национальной безопасности, фонд прекращенных дел, д. 3058, л. 87.

истинные причины запрещения деятельности этой организации в 1937 г. Материалы как этого, так и других архивов позволили воссоздать историю, насколько неизвестную, настолько и неожиданную. Историю о том, как АВБС стал орудием в смертоносных интригах Л.Берии против руководства Армении, в борьбе партийных группировок в Армении, как в этой борьбе использовались мистификации и создавались мифы, например, о существовании за рубежом некоего рамкаварско-дашнакского антисоветского центра, и как для представителя АВБС в Ереване спецслужбами была уготована мнимая роль связника между этим несуществующим центром и лидерами Армении и т.д.³

Стоит отметить в этой связи, что если на проходящих в те же годы в Москве известных судебных процессах советские лидеры “разоблачались” как агенты тех или иных стран, то в Армении аналогичные обвинения имели некий национальный колорит – сотрудничество с антисоветскими организациями диаспоры. Но, подобно московским, эта история также была трагической фантазмагорией, завершившейся гибелью почти всех ее участников – правых и неправых.

Известный тезис о том, что основные параметры жизнедеятельности этнических меньшинств задаются принимающим обществом, наиболее четко прослеживается в сфере политики. Так, этнополитическая деятельность армянских общин, независимо от ее направленности, была возможна в той мере, в какой не угрожала жизненным интересам соответствующих стран. Вместе с тем, любые серьезные изменения в политическом курсе этих стран обязательным образом предполагали и предполагают соответствующую корректировку деятельности и самой диаспоры.

Примером тому могут служить годы Второй мировой войны, когда угроза нацизма заставила вчерашних противников - СССР и страны Запада - вступить в союзнические отношения. Новый расклад сил наиболее ощутимо сказался на “жесткой оппозиции” во главе с Дашнакцутюн, которая вынуждена была если не отказаться от антисоветской направленности своей деятельности, то во всяком случае не афишировать ее. И, наоборот, для “мягкой оппозиции” эти годы стали началом диалога с Советской Арменией.

Однако очень скоро после победы над нацистской Германией вчерашние союзники вступили в новый период конфронтации, в эпоху “холодной войны”, один из первых эпизодов которой имел прямое отношение к армянам. Как известно, еще до окончания войны И.Сталин задался целью вернуть территории, переданные Советской Россией Турции согласно договору от 16 марта 1921 г. Предчувствуя возможное противодействие США и Англии, к тому времени уже встревоженных расширением сфер влияния СССР в Восточной Европе и на Балканах, Сталин решил разыграть в числе других и “армянскую карту”. В июне 1945 г. посол СССР в Турции С.Виноградов подписал новое

³ է դ. Մ Ե Ի ր օ ն յ ա ն, Հայկական Բարեգործական Ընդհանուր Միությունը Խորհրդային Հայաստանում. 1923-1937 թթ. Ե., 1999, էջ 120-186:

советско-турецкого договора обусловил также и передачей Советскому Союзу Карса, Ардагана и Артвина, исторически принадлежавших Армении. В июле того же года эти же условия были озвучены на Потсдамской конференции министром иностранных дел В.Молотовым. Несмотря на негативную позицию США и Англии, Сталин, как бы демонстрируя свою решимость, в конце 1945 г. разрешил репатриацию в Советскую Армению зарубежных армян, которых, учитывая недостаточность территории последней, и предполагалось, якобы, расселить на отторгнутых от Турции территориях.

Реакция армян диаспоры, стараниями Москвы своевременно извещенных о планах Сталина, была ожидаема. Из разных стран в адрес советского руководства стали поступать их многочисленные обращения в поддержку этой политики. Подобного рода обращения, адресованные главам ряда государств и ООН, были приняты также различными организациями диаспоры, в том числе и участниками Всемирного армянского конгресса, состоявшегося в апреле-мае 1947 г. в Нью Йорке. Работа этого конгресса заслуживает специального анализа, здесь же лишь ограничусь рассмотрением одного, весьма символического эпизода.

После завершения конгресса его делегация, состоящая из четырех священнослужителей и четырех мирян /в их числе – полковник армии США, профессор Хартвордского университета, лидер партии Рамкавар Азатакан в США/, 12 мая была принята зам. Госсекретаря США Динотом Ачесоном /после президентских выборов 1948 г. именно он возглавил внешнеполитическое ведомство США/. Учитывая важное значение как конгресса, так и самой встречи и рассмотренных в ходе ее тем, Генеральный консул СССР в Нью Йорке Я.Ломакин посылает в Москву, на имя министра иностранных дел В.Молотова, подробную /на 7 стр./ информацию. Я. Ломакин, в частности, отмечал: “Делегация представила Ачесону меморандум мирового Армянского Конгресса по территориальному вопросу и свое собственное обращение... В письме делегация просила Гос. Департамент поддержать законное требование армян “об отторжении армянских земель от Турции и передаче их армянскому народу”. Ачесон по ознакомлению с письмом спросил делегацию, что именно армяне собираются делать с этими землями и что не желают ли они создать самостоятельное армянское государство под протекторатом ООН. На это епископ Нерсоян ответил, что армяне желают передать эти земли Советской Армении.” Я. Ломакин продолжает: “Ачесон от этого ответа пришел в замешательство и в недоумении задал вопрос, не являются ли все армяне коммунистами /в том числе, по-видимому, он имел в виду и членов делегации/, что выдвигают подобное требование и сами собираются переселиться в Советскую республику. Далее Ачесон заявил, что Госдепартамент не может поддержать подобное требование, ибо оно означало бы самоубийство для внешней политики США...”⁴

⁴ *Центральный государственный архив новейшей истории Армении, ф. 326, оп.1, д.156, л. 74.*

Иного ответа и быть не могло. Еще за год до этого бывший премьер-министр Англии У. Черчилль в своей знаменитой речи в Фултоне границу с СССР назвал “железным занавесом”, а уже в преддверии Всемирного Армянского конгресса, 12 марта 1947 г., США объявили о доктрине Трумэна, гарантирующей территориальную целостность Турции и Греции. С другой стороны, объяснима была и настойчивость армян. Политика Сталина давала им редкий шанс возвращения хотя бы части их родины, и во имя его осуществления они не то что были неспособны, а просто не желали считаться с новыми политическими реалиями, перечеркивающими все их надежды.

В этой связи примечателен следующий факт. Дашнакцутюн не участвовала в работе Всемирного Армянского конгресса. Быстро уловив наметившиеся противоречия между вчерашними союзниками, она с еще большей готовностью возобновила свой курс на жесткую оппозицию в отношении СССР. Тем не менее она также питала определенные надежды на отторжение армянских территорий от Турции, на которых, однако, по ее замыслу, должно было быть создано независимое от Советского Союза армянское государство. Казалось, этот вариант имел больше шансов – вспомним слова Д.Ачесона о государстве под протекторатом ООН. Но в том-то и дело, что это были лишь слова, а реальностью была доктрина Трумэна.

Особого внимания заслуживает риторический вопрос Д. Ачесона. Сама логика вопроса – если ты желаешь уехать на родину, где у власти коммунисты, значит ты тоже коммунист – свидетельствовала об идеологическом императиве в политическом сознании американского дипломата. Этот императив был особенно характерен для главных субъектов холодной войны, ведь аналогичный по своей сути вопрос задавался и в СССР в ответ на призывы установить контакты с армянской диаспорой. Присущий прежде и более всего политической элите, он неизбежно проникал и в массовое сознание. В Советской Армении это выражалось в недоверии к репатриантам, их отчуждении от ряда сфер жизни, в преследовании лиц, желающих соединиться со своими семьями за рубежом, наконец, в высылке части их в 1949 г. в отдаленные регионы СССР. Нечто подобное происходило и в США. В документе, подготовленном в МИД Армении в 1947 г., читаем: “ В связи с репатриацией группы бостонских армян в октябре 1947 г. Прогрессивная Армянская лига решила устроить в гостинице “Командер” обед. В означенный день гостиница стала пикетироваться большим отрядом американских ветеранов. Среди командиров отряда был известный дашнак Джеймс Тасчян. Владелец гостиницы Френк Болант отменил обед и заявил, что сделал это потому, что не желает иметь ничего с лицами, отказавшимися от американского гражданства, рассматривая их действия как антиамериканские. Мэр города Кембридж Джон Линч и глава городского Совета публично поздравили Боланта за его “патриотический” поступок. Начальник Кембриджской полиции Дж. Кинг по просьбе Боланта выслал к гостинице 150 полицейских, вооруженных дубинками и слезоточивыми гранатами.”⁵

⁵ Там же, л. 1.

В истории международных отношений периода холодной войны особо следует отметить важные изменения в тактике СССР, происшедшие после смерти Сталина, а именно – поиск новых союзников не только и не столько на основе идеологической общности, сколько на основе общих политических целей. Эта политика, как известно, была более или менее успешно реализована в странах Ближнего Востока, которые на долгие годы стали ареной явного и скрытого противоборства двух супердержав. В этом противоборстве особое значение имело усиление влияния среди местных народов. Задача достаточно сложная, учитывая этнокультурную и религиозную специфику коренного населения. В этих условиях в поле зрения как СССР, так и США оказалось местное армянское население. Такой выбор не был случайным. К тому времени, к началу 50-х гг., здесь /главным образом в Сирии и Ливане/ армянские общины входили в число наиболее крупных этноконфессиональных общин, успешно интегрированных в местные общества и занимающих высокое положение в их социально-экономической иерархии.

В армянских политических кругах вопрос об ориентации в пользу одной из супердержав, по сути, и не возникал. Партия Дашнакцутюн, верная своей традиции антисоветизма, естественным образом приняла сторону стран Запада, что и было адекватно оценено и использовано последними. В этих новых условиях первая и наиболее серьезная по значимости проба сил между нею и ее оппонентами во главе с партией Рамкавар началась в 1952 г., когда после кончины главы Киликийского католикосата Гарегина I /с резиденцией в пригороде Бейрута – Антильясе/ встал вопрос о его преемнике. Эти выборы имели принципиальное значение для обеих сторон. Исторически первопрестольной церковью, а значит, и резиденцией главы армянской апостольской церкви - католикоса всех армян являлся /и остается им/ св. Эчмиадзин, находящийся на территории Советской Армении, которой подчинялись также и все епархии за рубежом. Начиная с 1930-х гг., сначала в США, а потом и в ряде других стран Дашнакцутюн развернула активную деятельность с целью оторвать зарубежные армянские церкви от Эчмиадзинского католикосата, что автоматически привело бы к усилению ее влияния и авторитета в диаспоре. Осуществлению этой программы во многом способствовала антирелигиозная политика в самом Советском Союзе /воинствующий атеизм, закрытие церквей, репрессии священнослужителей и т.п./, вследствие чего роль церквей, в данном случае армянской церкви, была сведена к минимуму, а руководство зарубежными епархиями приобрело сугубо символический характер. Советское руководство спохватилось, лишь узнав о смертельной болезни Киликийского католикоса, когда стала очевидной возможность избрания на этот пост креатуры Дашнакцутюн. Действия властей, проводимые от имени Эчмиадзинского католикосата, были, однако, неорганизованны и хаотичны. Достаточно упомянуть, что письмо Католикоса всех армян Геворка VI Киликийскому католикосу с именами желательных кандидатов на пост местоблюстителя из-за бесконечных согласований в различных

кабинетах Еревана и Москвы дошло до Бейрута уже после смерти последнего.⁶ Если учесть к тому же неподготовленность партии Рамкавар и ее сторонников в самой диаспоре, то можно сказать, что победа в прошедших в 1956 г. выборах кандидата партии Дашнакцутюн была предрешена. Новое руководство Киликийского католикосата, как и ожидалось, с самого начала повело курс на фактическое отделение от первопрестольного Эчмиадзина и тем самым стало важной составляющей жесткой оппозиции. Происшедшее было не чем иным, как расколом армянской церкви, и это при том, что сам раскол никак не был результатом каких-либо догматических расхождений, а носил исключительно политический характер.

1956 г. стал важной вехой в истории армянской диаспоры. Политическое размежевание, начавшееся в ней в начале 1920-х гг., в этот год холодной войны получило свое окончательное и полное институциональное оформление.

В отличие от США и ее союзников, на политике СССР в отношении армянской диаспоры сильно сказывалась инерция недоверия прошлых лет. Советским лидерам, казалось, трудно было решиться на установление контактов, не говоря уже о сотрудничестве, даже с теми политическими кругами диаспоры, которые демонстрировали свое, по меньшей мере, лояльное к ним отношение. Однако сама логика холодной войны, активная работа США с диаспорами различных народов СССР вынуждала к пересмотру прежних установок и стереотипов. В этом смысле особую значимость имел приезд в августе 1957 г. в Армению лидера либерально-демократической партии Рамкавар Азатакан Парунака Товмасына. Этот визит не был неожиданным и был санкционирован Москвой. В заранее подготовленной для ЦК КПСС справке о П.Товмасыне особо подчеркивалось, что, являясь профессором Американского университета в Бейруте и в качестве такового имея право на ежегодную поездку в США во время каникул, он тем не менее лишен этой возможности из-за неоднократного отказа ему во въездной визе.⁷ Примечательно также, что в СССР он приезжал инкогнито, под другой фамилией. Однако, по его же признанию, неожиданные встречи в Ереване с его знакомыми – репатриантами из Бейрута - свели на нет эти меры предосторожности.

В Ереване П.Товмасын встречался со всем высшим руководством Армении, в том числе дважды со своим однофамильцем, первым секретарем ЦК Компартии республики Суреном Товмасыном. Мы имеем редкую возможность ознакомиться с их содержанием в изложении самих участников этих бесед, которые /и это следует особо отметить/ никак не противоречат, а лишь дополняют друг друга. Уже после смерти Парунака Товмасына в 1991 г. были изданы его дневниковые записи, которые он вел во время своих визитов в

⁶ Ա. Մանուկյանի Վերաբյան, Հարստության Ստալինից մինչև Խրուշչով, Ե., 2001, Էջ 177-178.

Центральный государственный архив документов политических и общественных организаций Армении, ф. 1, оп. 37, д. 41, л. 147.

Советскую Армению в 1957-1985 гг. В свою очередь, Сурен Товмасын о содержании этих бесед информировал ЦК Компартии СССР в письме от 13 декабря того же 1957 г.

Из большого круга вопросов, обсужденных собеседниками, здесь укажем лишь относящиеся к интересующей нас теме. Парунак Товмасын в своих записях отмечает, что он подробно ознакомил лидера Армении с теми сложностями, с которыми связана их деятельность по объединению армян диаспоры вокруг Советской Армении. “Вы готовы морально помогать нам? – спрашивал он, - конечно, крайне осторожно и негласно. В противном случае, по понятным причинам, вы нам больше навредите, чем поможете. Мы, в большинстве своем, живем в капиталистических странах, и в некоторых из них власти враждебно относятся к Советскому Союзу. Кроме того, дашнаки часто предают нас и обвиняют как коммунистических агентов или попутчиков, тем самым создавая большие сложности для расширения нашей деятельности.”⁸

Согласно Сурену Товмасыну, суть сказанного лидером партии Рамкавар Азатакан относительно ситуации в диаспоре сводилась к следующему: после войны политическое противостояние среди армян, начавшееся с раскола армянской церкви, продолжает усиливаться; США оказывают большую материальную помощь и поддержку партии Дашнакцутюн, “которая на эти средства издает газеты, журналы и книги, полные антисоветской клеветы, организует боевые группы для борьбы с армянскими и арабскими прогрессивными организациями”; в посольствах США много сотрудников - армян из США, которые направляют деятельность этой партии, в то время как в советских посольствах нет армян, с которыми можно было бы посоветоваться и т.д.⁹

“Одной из своих задач американцы поставили разгром или, по крайней мере, значительное ослабление влияния армянских прогрессивных организаций /имеются в виду партии Рамкавар Азатакан, социал-демократическая Гнчак и другие, оппозиционные Дашнакцутюн, организации – Эд. М./, чтобы изолировать армян от арабов, парализовать их совместную борьбу против колонизаторов... Известно, например, - писал С. Товмасын, - что парламентские выборы в Ливане и Сирии проходят по религиозным общинам и депутатские места между арабами мусульманами и арабами христианами /лидеры последних ныне поддерживают “доктрину Даллеса-Эйзенхауэра” /распределяются примерно поровну. В этих условиях важное значение приобретают голоса армян... Во время последних парламентских выборов в Ливане, несмотря на то, что большинство армянского населения поддерживало прогрессивных кандидатов, дашнакам удалось по всем четырем армянским куриям провести своих кандидатов. Это

⁸ Բարսեղյան Թովմասյան, Հարկնախնայող օրագրություն, հմբ. Վաչե Ազատբեկյան, ԱրմԹՀԺ, 1994, էջ 24:

Центральный государственный архив документов политических и общественных организаций Армении, ф. 1, оп. 37, д. 41, л. 246.

произошло потому, что дашнаки, при поддержке полиции и помощи американцев, создали боевые группы и терроризировали армянское население, лишив его возможности участвовать в выборах."¹⁰ По словам С. Товмасына, лидер рамкаваров выражал тем не менее уверенность в возможности противодействия деятельности антисоветских сил при оказании со стороны Советской Армении необходимой материальной и моральной поддержки.

Письмо лидера компартии Армении носило не только информативный характер. Информация о беседах с П.Товмасыном и другими представителями диаспоры служила для него дополнительным обоснованием предложенной им программы мероприятий по активизации политики СССР среди зарубежных армян – распространение в Армении издаваемой в Бейруте армянскими коммунистами газеты "Арач" /"Вперед"/, издание произведений "некоторых умерших армянских писателей, которые в свое время примыкали к дашнакам, но не были активными деятелями этой партии", проведение в США выставки промышленных товаров, выпускаемых в Армении, направление на работу в советские посольства сотрудников – армян и др.

Понятно, что решение всех этих вопросов было вне компетенции руководства Армении, оно могло быть принято только в Москве. Это было известно и Парунаку Товмасыну, потому он и связывал особые надежды с предстоящей в Москве встречей в МИД СССР. Здесь он был принят и.о. заведующего отделом стран Ближнего Востока Даниилом Солодом, в беседе с которым, помимо уже известных нам, поставил также вопрос о возможности передачи Советской Армении Нагорно-Карабахской области. Как и следовало ожидать, его ожидания не оправдались. "Солод, - читаем в его дневнике, - ответил...проповедью – необходимо создать единый фронт из патриотических организаций и арабских прогрессивных сил. Я прямо ответил, что сказанное им не ново, однако мы не нуждаемся в проповеди."¹¹

Этот визит Парунака Товмасына в Советскую Армению имел особое значение, учитывая как ее беспрецедентность, так и ее последствия. Это был первый визит председателя партии Рамкавар Азатакан в Армению, впервые его принимали руководители компартии, правительства и парламента республики, наконец, впервые он имел возможность обсудить как в Ереване, так и в Москве ряд вопросов относительно внутренней и внешней политики СССР. Не будет преувеличением сказать, что его визит в определенной степени стимулировал и интенсифицировал политику СССР в отношении армянской диаспоры.

Сурен Товмасын и Парунак Товмасын были хорошо информированными людьми и, конечно же, могли подтвердить свои слова об активном сотрудничестве между странами Запада и партией Дашнакцутюн. Но в том, 1957 году даже они не могли знать о некоторых

¹⁰ Там же, лл. 247-248.

¹¹ Բարակցի ահի Բ՝ՈՂՈՍՈՒԵՍՆ, ՆԶԳ. աշխ., էջ 39.

формах этого сотрудничества.

В 1961 г. органами государственной безопасности Сирии были возбуждены уголовные дела против целой группы лиц по обвинению в шпионаже. Не вдаваясь в подробности, отмечу лишь, что в ходе следствия и судебного разбирательства¹² было установлено, что с начала 1950-х гг. в Сирии действовала обширная агентурная сеть из числа местных армян, членов партии Дашнакцутюн, основанная и руководимая некоторыми видными деятелями /в том числе - Драстаматом Канаяном/ последней из Бейрута. На протяжении ряда лет члены этой группы, некоторые из которых в 1952 г. прошли специальный курс обучения в Вашингтоне, занимались сбором сведений, являющихся государственной и военной тайной, в том числе, о сирийской армии и ее вооружении, о военных аэродромах и др., о военных грузах, пребывающих в порт Латакии на советских судах, о советских военных экспертах, используя с этой целью специальные технические средства. Также был подтвержден факт тайного провоза из Бейрута оружия для оснащения ими специальных отрядов, состоящих из членов той же партии, в целях применения против организаций левого толка. Суд не дал ответа на один вопрос: в пользу какой страны действовала эта сеть? Некоторые из подсудимых в ходе следствия называли США, но уже на суде отказались от этих показаний. Для многих, однако, ответ был очевиден - именно в середине 1950-х гг. руководство Сирии установило тесное сотрудничество с СССР в различных, в том числе и военно-технической, сферах и в то же время /в январе 1957 г./ официально отвергло "доктрину Эйзенхауэра", дававшую право президенту США направлять на Ближний Восток вооруженные силы.

Завершим на этом попытку понять содержание и формы политического сосуществования армянской диаспоры с внешним миром: дальнейшая история – отдельный сюжет. Отмечу лишь следующее. Вынужденные на протяжении 70 лет существовать в условиях постоянного и жесткого противоборства двух социально-политических систем, армяне диаспоры избрали путь приспособления к ним обеим. Иного, по сути, было не дано, поскольку в одном из этих миров жили они сами, а в другом – Армения. Во имя этого они с неизбежностью разделились сами, каждая сторона уверенная в правоте своих дел и идей, как бы подтверждая замечание Гете о том, что "Идея в своем происхождении и своем направлении представляется в различных видах и в этом смысле может различно оцениваться".¹³

---

¹² В личном архиве автора статьи имеются идентичные армянские переводы соответствующих документов.

¹³ И. В. Гете, *Избранные философские произведения*. М., 1964, с. 295.

**ՀԱՅ ՍՓՅՈՒՌԸ ԱՇԽԱՐՀԻ ՀԵՏ ԻՐ ՀԱՄԱԳՈՅԱԿՑՈՒԹՅԱՆ
ՄԵՉ(1920 –1950-ական թթ.)**

Էդ.Լ.ՄԵԼԿՈՆՅԱՆ

Ամփոփում

Հայաստանում 1920թ. խորհրդային կարգերի հաստատումով Հայ սփյուռքը Հայտնվեց քաղաքական երկրնտրանքի առջև: Ի՞նչը Համարել գերակա խորհրդային Հայաստանի հետ հարաբերություններում: Հայաստանի իշխանությունների գաղափարաբանությունը, թե՞ հենց Հայաստանի գոյությունը: Սփյուռքը չընկալեց այդ երկրնտրանքը: Նրա մի մասը՝ «կոշտ ընդդիմությունը», առաջնային համարեց գաղափարաբանական չափանիշը և դրան համապատասխան համաշխարհային երկու համակարգերի հակամարտության ընթացքում կողմնորոշվեց դեպի Արևմուտք: Սփյուռքի մյուս հատվածը, խորհրդային իշխանությունները չարիքի փոքրագույնը համարելով, բավարարվեց «մեղմ ընդդիմությամբ» և ձգտեց հարաբերություններ հաստատել Հայաստանի հետ:

Սփյուռքի քաղաքական կառուցվածքի նման ճկունության շնորհիվ սփյուռքահայությունը կարողացավ հարմարվել երկու իրարամերժ համակարգերին, որոնցից մեկում ապրում էր ինքը, իսկ մյուսում՝ Հայաստանը: